

новке стали перерабатываться в соответствии с новыми общественно-литературными запросами.

Не лишены интереса уже ранние работы В. П. Адриановой-Перетц, посвященные этой теме.

В 1909 г. вышла в свет ее статья «Евангелие Фомы в старинной украинской литературе». Апокрифическое Евангелие Фомы было переведено с греческого на славянский язык давно; древнейшие списки его относятся к XIV в. Памятник этот, как показала В. П. Адрианова-Перетц, к XVIII в. успел под пером писцов превратиться в типичную «народную книгу» и по языку и даже в какой-то степени по содержанию: в него попали две легенды местного, фольклорного происхождения, и сам он, в свою очередь, послужил источником для ряда устных сказаний.

В другой статье, напечатанной годом позже, — «К литературной истории Толковой Палеи» — В. П. Адрианова-Перетц установила, что этот древний, относящийся еще в XIII в. антииудейский полемический трактат, в состав которого вошла серия ветхозаветных апокрифов, на Украине во второй половине XVII в. вызвал к себе большой интерес; в несколько переделанном виде его охотно переписывали и даже, по обычаю украинских литераторов той эпохи, снабдили ссылками на источники. В. П. Адрианова-Перетц выяснила и причины этой несколько неожиданной популярности Толковой Палеи в XVII в.: это были годы, когда многие и на Украине и на Западе были взбудоражены слухами о появлении на Востоке некоего Саббатая Цви, выдававшего себя за мессию.

В конце XV—начале XVI в. был переведен с еврейского на белорусский книжный язык написанный не известным по имени арабским автором X—XI вв. трактат о том, как управлять государством, — «Аристотелевы врата» (так называли его московские книжники). Трактат — он написан в форме наставлений Аристотеля Александру Македонскому — в свое время приобрел мировую известность на Востоке и на Западе (здесь он в переводе на латинский язык получил название «Secretum secretorum»). В. П. Адрианова-Перетц в статье «К истории текста Аристотелевых врат» (1911) установила, что трактат этот, в центральной своей части посвященный характеристике идеального монарха, пользовался на Руси популярностью и в XVI—XVII вв. и даже, в рукописной традиции, в XVIII в. Его не только усердно читали, но и немало потрудились над приспособлением белорусского текста к пониманию русского читателя — «удобнейшего ради познания» или переводили отдельные словосочетания на русский язык, или снабжали текст пояснительными глоссами. Статья выразительно иллюстрирует одно характерное явление нашей старой литературы: в процессе переписки, постепенно, из текста переводного произведения выветриваются все непонятные слова и словосочетания — до полного уничтожения всяких следов иноязычного оригинала.

Указанные работы В. П. Адриановой-Перетц проложили путь ее обширному исследованию (магистерская диссертация), вышедшему в свет отдельной книгой в 1917 г. — «Житие Алексея человека божия в древней русской литературе и народной словесности». Центральная проблема здесь та же («литературная история»), но в несколько ином повороте. Предметом исследования является не одно какое-либо произведение, как это имело место в предшествующих работах В. П. Адриановой-Перетц, а группа произведений и литературного, и фольклорного происхождения, объединенных единством сюжета. В отрывке житие Алексея в славянском переводе известно уже по списку XII в. Свое исследование В. П. Адрианова-Перетц и начала с анализа этой, древнейшей на Руси, версии жития;